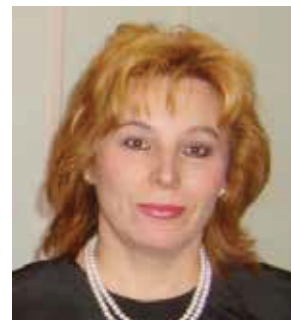

ЭКСПЕРТИЗА ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИЧЕСКОГО И ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается ряд острых вопросов методического и информационного обеспечения экспертизы экстремистских материалов. Проанализированы методы выявления диагностически значимых лингвистических признаков словесного экстремизма. Обоснована необходимость использования единой критериологии семантического исследования текстов экстремистской направленности в рамках судебной лингвистической экспертизы. На основе проведенного анализа автором обосновывается отсутствие безусловной необходимости назначения и проведения комплексной психолого-лингвистической экспертизы по делам, сопряженным с экстремизмом.

Ключевые слова: экстремизм, язык вражды, лингвистические признаки, комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза, методы лингвистического исследования, судебная лингвистическая экспертиза.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.47.7.025-041

**Елена Игоревна
ГАЛЯШИНА,**

доктор юридических наук,
доктор филологических
наук, профессор,
заместитель заведующего
кафедрой судебных
экспертиз Университета
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), академик
Российской академии
естественных наук (РАЕН)
egalyashina@gmail.com
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

E. I. GALYASHINA,

Doctor of Law, Doctor of Philology, Professor, Deputy Head of the Department
of Forensic Examination of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
egalyashina@gmail.com

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

FORENSIC EXAMINATION OF EXTREMIST MATERIALS: PROBLEMS OF METHODOLOGICAL AND INFORMATION SUPPORT

Abstract. The article deals with a number of acute issues of methodological and information support of the examination of extremist materials. Some linguistic methods relevant to define diagnostic characteristics of verbal extremism are analyzed. The necessity of using the unified criteria of semantic research of texts of extremist orientation in the framework of forensic linguistic expertise is substantiated. On the basis of the carried-out analysis the author suggests the unnecessary of obligatory appointment and carrying out complex psychological and linguistic examination in the cases connected with extremism.

Keywords: extremism, hate speech, linguistic features, a complex forensic psychological and linguistic expertise, linguistic research methods, forensic linguistic expertise.

© Е. И. Галяшина, 2018

Тот, кто водит знакомство со словом, кто питает к нему страсть, <...> все больше впадает в задумчивость, ибо ничто его не спасет от сознания, до чего же двойственна суть слов в нашем мире. Едва произнесенные или написанные, они уже преображаются и взваливают на того, кто их произнес или написал, ответственность, всю тяжесть которой редко можно выдержать: тот, кто напишет или скажет слово «хлеб», не знает, что он тем самым натворил, — вокруг этого слова могут разразиться войны, начаться убийства, оно чревато тяжчайшими последствиями, и тот, кто его пишет, обязан знать, какими последствиями оно чревато и на какие превращения оно способно. Если бы мы сознавали, какие последствия влечет за собой каждое слово, если бы мы взяли за изучение словаря, этого каталога нашего богатства, мы обнаружили бы, что за каждым словом стоит целый мир, и тот, кто орудует словами, кто строчит заметку в газету или пишет на бумаге стихи, обязан знать, что он приводит в движение миры, давая свободу двойственной сути слов: то, что тешит одного, может смертельно ранить другого.

Г. Бёльль. «Язык как оплот свободы»¹

Проблема экстремизма остается одной из актуальных для современной России в связи с множающимися проявлениями этнической и религиозной нетерпимости, неpolitкорректностью в средствах массовой информации, выраженной неприязнью к чужакам в социальных сетях, активизацией маргинальных настроений в российском обществе. На уровне массовой коммуникации, включая Интернет, это отражается в растущей экспансии деструктивного, криминального поведения, словесной агрессии и иных форм функционирования так называемого «языка вражды».

В сфере межэтнических и межконфессиональных отношений язык вражды проявляет себя в первую очередь через использование лексических и синтаксических средств, характер которых позволяет определить цели, интонации, интенции, содержащие признаки установок коммуникатора на оскорбление, унижение, угрозу, а также подстрекательство к насилию, ненависти или дискриминации в отношении отдельных этносов, их частей либо отдельных категорий или групп граждан. Феномен языка вражды описывается его исследователями по набору диагностически значимых признаков, как «легко дешифруемый негативный сигнал высокой (достаточной) внятности и интенсивности, публичное свидетельство об объявлении “другого”, во-первых, “чужим” или даже “чуждым”, “враждебным” (речь об отчуждении волевым образом, с демонстративным отказом от психологического контакта, попытки установления понимающей коммуникации), во-вторых,

¹ Генрих Бёльль (1917—1985) — известный немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1972). Речь «Язык как оплот свободы» была произнесена по случаю вручения премии имени Эдуарда фон дер Хейдта в г. Вуппертале (1958).

заведомо неравным себе по достоинствам». Таким образом, язык вражды — это «оформленный языковыми средствами и размещенный в сфере массовой коммуникации знак дискриминирующего размежевания: отказа в доверии по причине нахождения объекта вражды, основного адресата сигнала именно в “чуждой” общности, поражения его на этом основании в правах, в том числе моральных, отказа как самому объекту вражды, так и его миру, в том числе внутреннему, в праве законно и достойно представлять человеческую общность»².

В условиях иллюзии анонимности и вседозволенности социальные сети, форумы и иные платформы Интернета все больше становятся криминогенной и конфликтогенной средой, что требует разработки современных подходов к правовому регулированию коммуникации и защиты (в первую очередь несовершеннолетних) от вредоносной и криминогенной информации в цифровой среде. В сетевом общении отмечается популяризация квазианонимных групп и сообществ, нормой общения которых зачастую являются такие виды агрессивной коммуникации, как буллинг, троллинг, моббинг и т.п. Подобная среда отличается сниженным порогом толерантности и ростом агрессивности массмедийного дискурса. Особую опасность распространение идеологии экстремизма представляет для формирования устойчивого мировоззрения молодежи в условиях активизации информационной войны и усиления конкурентного противостояния на международной арене.

В этой связи очевидно, что система противодействия экстремизму (и его крайней форме проявления — терроризму) требует не только детальной правовой регламентации, но и разработки эффективных мер по выявлению, профилактике и предупреждению фактов распространения деструктивных информационных феноменов. К таковым можно отнести речевые акты возбуждения ненависти или вражды, призывы к экстремистским действиям, оправдание терроризма, популяризация актов гражданского неповиновения, правового нигилизма, героизация лидеров запрещенных организаций, распространение «фейковой», заведомо ложной, клеветнической, оскорбительной и иной криминогенной или конфликтогенной информации.

Угрозу национальной безопасности также представляют: активизация антиконституционных настроений (в том числе через идеи сепаратизма, насильственного свержения власти и др.), распространение контента, связанного с популяризацией экстремистских идей (ксенофобии, неофашизма, религиозного экстремизма и т.п.), открытая либо закамуфлированная вербовка через социальные сети в радикально настроенные группы и деструктивные сообщества, целенаправленное распространение негативной информации в социальных сетях, мессенджерах; возбуждение вражды, ненависти, унижение по признакам социальной принадлежности (языку, полу, этносу, расе и др.), кибертроллинг — форма социальной провокации в сетевом общении, использующаяся как персонализированными участниками, заинтересованными в большей узнаваемости, публичности, эпатаже, так и анонимными пользователями без возможности их идентификации; кибербуллинг — травля, вербальное издевательство, в том числе угрозы, вызывание чувства стыда, враждебного отношения; дискри-

² Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ / сост. А. М. Верховский. М. : Панорама, 2002. С. 127—128.

национальные высказывания, связанные с внешним видом, умственными способностями; утверждения о неполноценности (недостатке интеллектуальных способностей, неспособности к созидательному труду) той или иной этнической или религиозной группы и др.

Основная трудность противодействия указанным проявлениям нетерпимости в массовой коммуникации связана с необходимостью обеспечивать, с одной стороны, охрану публичных интересов (основ конституционного строя, целостности и безопасности Российской Федерации), а с другой — защиту гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина: свободы совести и вероисповедания, свободы мысли, слова, массовой информации, права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом.

Существующая на данный момент правовая база противодействия экстремизму, правоприменительная и экспертная практика, а также отечественные и зарубежные исследования языка вражды («риторики ненависти») предоставляют богатый материал для формирования системного представления о феномене «словесного экстремизма» с целью выработки эффективной экспертно-криминалистической технологии его выявления и предупреждения.

Однако из-за отсутствия единого научно-методического подхода у государственных судебных экспертов различных ведомств и иных сведущих лиц, привлекаемых для проведения экспертизы³, правоприменителю приходится по своему усмотрению оценивать результаты экспертных исследований и определять, имеет ли свободно распространяемая информационная продукция экстремистскую направленность. Наличие же соответствующей методологии, информационного обеспечения и единых критериев диагностики словесного экстремизма позволит, с одной стороны, оперативно реагировать, пресекая действия по его публичному распространению, а с другой — не допускать перегибов, назначая множество разнообразных экспертиз, когда в этом нет особой необходимости.

Экстремизм в научной литературе трактуется как приверженность крайним взглядам и деструктивным, агрессивным мерам социального разрешения конфликтных ситуаций⁴. Идеология экстремизма, словесный экстремизм невозможны без использования языка. «Язык — это прежде всего тексты, словесная действительность, средство общения и взаимодействия, организация нашей жизни во всех ее сферах... Именно языком как сознательно управляемым орудием взаимодействия людей, средством выражения либо благотворной, либо злостной мысли создается определенный образ жизни... жизнь, создаваемая

³ «У МВД, Следственного комитета, Министерства юстиции и частных экспертных организаций имеются свои методики. Они, к сожалению, отличаются друг от друга, и до сих пор нет единого межведомственного подхода к анализу материалов, которые исследуют на наличие признаков экстремизма» («Границу дозволенного я обозначить не могу». Эксперт-лингвист Игорь Огорелков — о том, какие посты в соцсетях могут считаться экстремистскими // Meduza. 27 апреля 2018. 09:00. URL: <http://meduza.io/feature/2018/04/27/granitsu-dozvolennogo-ya-oboznachit-ne-mogu> (дата обращения: 11.05.2018).

⁴ *Галышина Е. И.* Лингвистика vs экстремизма : В помощь судьям, следователям, экспертам / под ред. проф. М. В. Горбаневского. М. : Юридический мир, 2006. С. 9—10.

языком, словом, становится либо благоденствием, либо бедствием. Это закон активного формирования языком образа жизни общества»⁵.

В этой связи во всех случаях, когда требуется установить значение *слова*, т. е. что именно, как, с какой целью (зачем) сказано, в том числе и для того, чтобы выявить диагностически значимый комплекс лингвистических признаков «экстремистской» содержательно-смысловой направленности текста, нужна судебная лингвистическая экспертиза⁶.

Анализ отношения, формируемого у аудитории к предмету речи, мотивации, установок, социальных стереотипов, формируемых у читателя (слушателя), перлокутивной составляющей коммуникативных актов не входит в сферу лингвистически наблюдаемых и эксплицируемых в тексте значений и потому лингвистическими методами по тексту не реконструируется.

«Лингвисты, беря на себя анализ общественно-политических взглядов, идей, стереотипов, установок, формируемых у читателя, неминуемо выходят за пределы своей компетенции, из области так называемых «речевых конфликтов» в область конфликтов социальных»⁷. По мнению ряда авторов, в случае необходимости установления идейно-смысловой (психологической) направленности текста, функции убеждения читателя целесообразно назначение комплексной психолого-лингвистической экспертизы либо привлечение иных специалистов (историков, религиоведов, политологов и т.д.), когда текст отличается жанровым или дискурсивным своеобразием⁸.

Однако практика показывает, что комплексная, особенно психолого-лингвистическая, экспертиза, в частности, по делам, сопряженным с экстремизмом, стала модным трендом, когда дознаватели и следователи, «подсев на психолингвистическую иглу», начали чуть ли не по каждому спорному тексту обращаться за разъяснениями к тандему из психолога и филолога. Это во многом напоминает ситуацию 2000-х гг. с лингвистической экспертизой. Тогда «лингвистической наркотизации», по меткому выражению Г. М. Резника, способствовала «судейская психология, в принципе настроенная на привлечение специалистов: это облегчает работу и создает эффект большей обоснованности решения... Сейчас, пожалуй, нет ни одного дела о криминализованных словах — клевете, оскорблении, возбуждения национальной или религиозной вражды, призывах к экстремистской деятельности, — по которым не назначалась бы лингвистическая экспертиза. «Специальные познания», о необходимости которых заявляют следователи и судьи, содержатся в двух-трех словарях русского языка»⁹.

⁵ Аннушкин В. И. Язык и жизнь. Книга о русском языке — речи — слове. М. : Русская школа, 2010. С. 8—9.

⁶ Теоретическая и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М. : РФЦСЭ при Минюсте РФ. С. 23.

⁷ Теоретическая и методические основы ... С. 25.

⁸ Теоретическая и методические основы ... С. 25.

⁹ Предисловие юриста // Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста : теория и практика : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2007. С. 3—4.

Так и сегодня, комплексные судебные психолого-лингвистические экспертизы по делам об экстремизме нередко посвящены либо доказательству очевидного, либо назначаются «для пущей важности» — для создания эффекта большей обоснованности решений при возбуждении и расследовании уголовных дел по ст. 280 и 282 УК РФ.

Видимо, опять нужен срочный «языковой ликбез для юристов либо краткие курсы профессиональной этики»¹⁰, просвещение правоприменителя в вопросе вербальной специфики феномена «агрессия» в речи носителей русского языка. «В связи с ростом социально-экономической, межконфессиональной, идеологической, геополитической нестабильности в глобальных масштабах и увеличением на этом фоне числа межличностных конфликтов наблюдается наличие особого интереса со стороны исследователей различного профиля к вербальной специфике феномена «агрессия» на стадиях ее зарождения, развития и преобразования в конкретные деструктивные действия»¹¹.

Можно отметить, что в предложенной РФЦСЭ при Минюсте РФ методике комплексной психолого-лингвистической экспертизы¹² психологическая часть носит аддитивный характер, а психологический анализ базируется на результатах лингвистического анализа, а значит, не является обязательным.

Следует согласиться с позицией ЭКЦ МВД России, что «анализ коммуникативной ситуации реализации высказывания, смыслового содержания, коммуникативной целеустановки говорящего, определения формы, ситуативной уместности высказывания является предметом исследования эксперта-лингвиста, что априори входит в его компетенцию согласно профилю высшего образования в данной области знаний и может всесторонне и полно быть исследовано без участия психолога при производстве лингвистической экспертизы. Не умаляя значимости и потенциала использования специальных психологических знаний при решении вопросов, касающихся, например, характеристики эмоционального состояния, выявления признаков повышенной враждебности автора, агрессивности, внушаемости, зависимости, тем не менее считаем, что привлечение специалиста в области психологии для проведения комплексных экспертиз и исследований не может иметь предписывающий характер. В случае необходимости получения комментария психолога при оценке следователем, прокурором или судом заключения эксперта по лингвистической экспертизе он может быть привлечен в статусе специалиста»¹³.

В этой связи представляется целесообразным остановиться на некоторых наиболее острых проблемах правового, научно-методического и информаци-

¹⁰ Предисловие юриста // Баранов А. Н. Указ. соч. С. 4.

¹¹ Потапова Р. К., Комалова Л. Р. Вербальная структура коммуникативного акта агрессии : тематич. толковый словарь / ИНИОН РАН. Центр гуманит. научн.-информ. исслед. Отд. языкознания. М., 2015. Вып. 1.

¹² Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным противодействием экстремизму и терроризму. М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014.

¹³ Назарова Т. В., Громова А. В. Возможности современной лингвистической экспертизы, проводимой в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации // Эксперт-криминалист. 2017. № 4. С. 28.

онного обеспечения судебной лингвистической экспертизы экстремистского дискурса.

Подчеркнем, что при назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции дознавателя, следователя или суда. В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды.

Правовая основа данного рода судебно-экспертного исследования довольно обширна. Конституция РФ провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защиту — обязанностью государства (ст. 2) и устанавливает, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только соразмерно конституционно значимым целям (ст. 55).

В Российской Федерации признаются идеологическое и политическое многообразие, многопартийность; никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ст. 13 Конституции РФ). Согласно Конституции РФ государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств; запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ст. 19). Конституция РФ, гарантируя свободу мысли и слова, запрещает пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (ст. 29).

Международно-правовые стандарты в области прав человека, провозглашая право каждого человека на свободное выражение своего мнения, вместе с тем предусматривают, что всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию; всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, всякое подстрекательство к расовой дискриминации, а также все акты насилия или подстрекательство к таким актам, направленным против любой расы или группы лиц другого цвета кожи или этнического происхождения, предоставление любой помощи для проведения расистской деятельности, включая ее финансирование; всякая дискриминация на основе религии или убеждений должны быть запрещены законом (Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г., Международный пакт о граж-

данских и политических правах от 16 декабря 1966 г., Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г., Декларация Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 г. о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.).

Шанхайской конвенцией о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. предусмотрено, что терроризм, сепаратизм и экстремизм, вне зависимости от их мотивов, не могут быть оправданы ни при каких обстоятельствах, а лица, виновные в совершении таких деяний, должны быть привлечены к ответственности в соответствии с законом.

В интересах реализации названных конституционных запретов и выполнения международных обязательств в Уголовном кодексе РФ предусмотрена ответственность за совершение преступлений экстремистской направленности.

Исходя из положений примечания 2 к ст. 282.1 УК РФ к числу преступлений экстремистской направленности относятся преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса РФ (например, п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 1 ст. 213, ст. 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ), а также иные преступления, совершенные по указанным мотивам, которые в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ признаются обстоятельством, отягчающим наказание. При производстве по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности судам необходимо иметь в виду, что согласно п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ подлежат доказыванию мотивы совершения указанных преступлений.

Под публичными призывами (ст. 280 УК РФ), согласно правовой позиции Верховного Суда РФ, сформулированной в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»¹⁴, следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности. При установлении направленности призывов необходимо учитывать положения Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», в частности содержащееся в ст. 1 понятие «экстремистские материалы» и тесно связанное с ним определение экстремистской деятельности.

Экстремистские материалы — предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или

¹⁴ Российская газета — Федеральный выпуск. 4 июля 2011 г. № 5518 (142).

иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

Таким образом, к предмету судебной лингвистической экспертизы относится: установление адресности и формы речевого сообщения (обращения, адресованного к иным лицам), содержательно-смысловая направленность обращения и его коммуникативная цель — побуждение адресата к действиям экстремистского характера.

Под **словесным экстремизмом** понимается целенаправленный акт публичной передачи сообщений в форме устных или письменных речевых высказываний, которые: а) призывают или подстрекают к осуществлению, инициируют, провоцируют или руководят противоправными действиями экстремистского толка; б) оправдывают или обосновывают их; в) пропагандируют нацистскую или сходную с ней до степени смешения символику и атрибутику; г) направлены на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды либо ненависти, включая передачу информации языковыми средствами в публичных выступлениях, печатных изданиях, средствах массовой информации (радио, телевидение).

Объективную сторону словесного экстремизма составляют такие противоправные речевые деяния, как:

- призывы к осуществлению экстремистской деятельности;
- высказывания, направленные на возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение достоинства человека;
- оправдание или обоснование необходимости осуществления экстремистской деятельности;
- пропаганда нацистских атрибутов и символов и сходных с ними до степени смешения.

Поскольку в ст. 280 УК РФ предусмотрена ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, то публичное распространение информации, в которой обосновывается необходимость совершения противоправных действий в отношении лиц по признаку расы, национальности, религиозной принадлежности и т.д., либо информации, оправдывающей такую деятельность, следует квалифицировать по ст. 282 УК РФ при наличии иных признаков этого состава преступления.

Неслучайно к компетенции судебной лингвистической экспертизы относится выявление прагматических целей, относящихся к вербальной экспликации концепта «оправдание» в речи носителей русского языка, и исследование семантической структуры коммуникативного акта «агрессия»¹⁵.

Под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц. Критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убежде-

¹⁵ Комалова Л. Р. Агрессогенный дискурс : Типология мультILINGВальной вербализации агрессии : монография. М. : Спутник+, 2017.

ний, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды.

Критика в средствах массовой информации должностных лиц (профессиональных политиков), их действий и убеждений сама по себе не должна рассматриваться во всех случаях как действие, направленное на унижение достоинства человека или группы лиц, поскольку в отношении указанных лиц пределы допустимой критики шире, чем в отношении частных лиц.

Не является преступлением, предусмотренным ст. 282 УК РФ, высказывание суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах и не преследующих цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе.

Критерием в данном случае является коммуникативная цель, с которой сообщается негативная информация о предмете речи, общая содержательно-смысловая направленность текста, а также сам характер негативной информации с учетом жанрового и функционально-стилистического своеобразия публикации.

Разграничение критики и экстремистских высказываний представляет сегодня особую трудность для правоприменителя, нередко порождая ошибки как у российских, так и зарубежных экспертов. В качестве иллюстрации приведем пример уголовного дела, возбужденного против белорусских журналистов, обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 130 УК Республики Беларусь, в связи публикацией на сайте информационного агентства «Регнум» (ИА Regnum) ряда статей о политической ситуации в Белоруссии, в которых белорусские эксперты-психолингвисты усмотрели признаки экстремизма¹⁶. Однако российские эксперты не согласились с такими выводами, исходя из следующей критериологии¹⁷.

Выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти представляет собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию; подстрекательство к расовой дискриминации, подстрекательство к актам, направленным против любой расы или группы лиц другого цвета кожи или этнического происхождения¹⁸.

Критика (от фр. critique из др.-греч. κριτική τέχνη «искусство разбирать, суждение») — это анализ, оценка и суждение о явлениях какой-либо из областей человеческой деятельности. Задачами критики являются:

¹⁶ Заключение психолого-лингвистической экспертизы № 88/06-26 от 7 июля 2017 г. Из архива АНО «СОДЭКС МГЮА имени О.Е. Кутафина».

¹⁷ URL: <https://regnum.ru/news/2373170.html> (дата обращения: 10.05.2018).

¹⁸ Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г., Декларация Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 г. о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.

- выявление противоречий;
- выявление ошибок и их разбор;
- разбор (анализ), обсуждение чего-либо с целью дать оценку (например, литературная критика);
- отрицательное суждение о чем-либо (в искусстве, общественной жизни и т.д.), указание на недостатки;
- исследование, научная проверка достоверности, подлинности чего-либо (например, критика текста, критика исторических источников);
- отзыв, обсуждение чего-либо с целью выразить свою точку зрения;
- оценка¹⁹.

Критика — разбор, обсуждение кого-либо, чего-либо с целью указать на недостатки, вынести оценку²⁰.

При решении вопроса о направленности действий лица, разместившего какую-либо информацию либо выразившего свое отношение к ней в сети Интернет или иной информационно-телекоммуникационной сети, на возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение достоинства человека либо группы лиц следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, контекст, форму и содержание размещенной информации, наличие и содержание комментариев или иного выражения отношения к ней.

Диагностически значимые признаки экстремистского текста: высказывания в форме призыва (к определенным действиям); высказывания в форме пропаганды (национального, религиозного, языкового, расового превосходства, исключительности или неполноценности); высказывания, направленные на возбуждение розни, вражды, ненависти, унижение достоинства человека, оскорбление человека по определенным признакам (пола, расы, национальности, отношения к религии и др.).

Признаками призыва обладают высказывания, выражения, призывающие к совершению определенных действий, агитирующие за совершение определенных действий, иницирующие, побуждающие, подстрекающие к совершению определенных действий экстремистского толка.

Признаками пропаганды обладают высказывания, направленные на формирование определенных взглядов, идеологии, мировоззрения экстремистского толка, представлений или побуждений к действиям, направленным на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды²¹.

Признаками возбуждения ненависти или вражды, розни по национальному, расовому или иному социальному признаку выступают высказывания враждебного, агрессивного, уничижительного, антагонистического характера по отношению к какой-либо национальности, расе, или иной социальной группе, содержащие негативные оценки (экспликация резко отрицательного отношения) в адрес социальной группы или ее представителя²².

¹⁹ URL: <https://ru.wikipedia.org>.

²⁰ Большой академический словарь русского языка. М., СПб. : Наука, 2007. Т. 8 : Каюта — Кюрины. С. 646.

²¹ Галяшина Е. И. Указ. соч. С. 33.

²² Галяшина Е. И. Указ. соч. С. 49.

Для выявления диагностически значимых признаков текста экстремистской направленности проводится семантическое исследование, в рамках которого устанавливается смысловое содержание слов, высказываний и содержательно-смысловая направленность текста в целом. В «экстремистском» тексте (высказывании) должны быть одновременно выражены две основные составляющие: 1) определенная в законе цель речевого действия (побуждение к действию, оправдание, обвинение, убеждение, возбуждение и др.) и 2) указанное в законе содержание этого речевого действия (к чему именно побуждают, в чем убеждают и т.п.). Эти две составляющие могут быть условно названы целевым и содержательным критериями (условиями) выраженности «экстремистского» значения. Соблюдения только одного из этих критериев недостаточно: анализ содержания текста без анализа его цели не является полным, соответственно и цель должна относиться только к определенному содержанию.

Значение, выраженное в тексте, определяется на основе совокупности семантических признаков, которые оцениваются на предмет соответствия тому, о чем спрашивается в вопросе. Таким образом, основная цель экспертного исследования сводится к установлению наличия/отсутствия в тексте семантических признаков выражения указанного в вопросе значения.

Диагностически значимыми свойствами проверяемого на экстремизм текста являются:

- 1) целенаправленность деятельности автора по созданию текста, ее произвольность, осмысленность;
- 2) публичность речевой деятельности (публичный или массовый уровень коммуникации);
- 3) наличие в тексте призывов (к определенным действиям);
- 4) наличие в тексте пропаганды (национального, религиозного, языкового, расового превосходства, исключительности или неполноценности);
- 5) наличие в тексте оправдания (терроризма) или обоснования (экстремистской деятельности);
- 6) направленность речевых действий (текста) на возбуждение розни, вражды, ненависти, унижение достоинства человека, оскорбление человека по определенным признакам (пола, расы, национальности, отношения к религии и др.).

Исследуя значение текста, эксперт должен исходить из того, что фактически выражено в тексте (прямо или с помощью не прямых способов передачи значения). Недопустимо приписывать автору то или иное значение, если не найдены речевые средства его выражения. Анализ того, что именно сказано, не должен подменяться общими рассуждениями на тему «Что автор хотел этим сказать». Такие понятия, как «приемы манипуляций», «скрытый призыв», «скрытое намерение» и др., не должны использоваться в тех случаях, когда за ними не стоят конкретные и доказуемые (эксплицируемые) языковые средства выражения значения. Нельзя также исходить из того, может или не может повлиять текст на адресата. Исследоваться должны те установки, на формирование которых направлен текст. Могут ли они реально быть сформированы у того или иного адресата (читателя, слушателя) и с какой степенью вероятности — это предмет экспериментального исследования. Таким образом, предметом экспертизы текстов, исследуемых на предмет наличия в них признаков экстремизма, следует считать

выраженные вербально значения, то есть те значения, которые с *неизбежностью* вытекают из текста и из коммуникативной ситуации, в которой он порожден²³.

Необходимо учитывать также положения ст. 3 и 4 Декларации о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации, принятой Комитетом министров Совета Европы 12 февраля 2004 г., и практику Европейского Суда по правам человека, согласно которым политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии и критики в средствах массовой информации; государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в средствах массовой информации в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий.

Представители органов власти сами по себе не являются социальной группой. Критика власти, отдельных политиков не является экстремизмом. Государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в СМИ в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий.

В качестве критериев разграничения критики и экстремистских высказываний, направленных на разжигание розни, следует использовать положения, рекомендованные к практическому применению научно-методическим советом Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ²⁴. К таким критериям, в частности, относятся: речевая цель, с которой сообщается негативная информация, общая содержательно-смысловая направленность текста, а также сам характер негативной информации.

В экстремистских речевых действиях, относящихся к лицам и группам, имеет место сознательное проявление негативного отношения к предмету речи — группе (представителю группы) лиц, объединенных по национальному или иному социально значимому признаку. Оно выражается с помощью разного типа негативных оценок (*плохой, недостойн, враг, не люблю, не уважаю* и др.), важнейшим признаком выражения такого отношения является то, что можно назвать «направленность отношения на личность». Это проявляется в следующем:

- а) объектом негативной (чаще эмоциональной) оценки являются личные качества представителей группы, а не только (не столько) совершенные ими конкретные действия, выраженные взгляды;
- б) приписываемые негативные свойства не выводятся непосредственно из конкретной ситуации, не связаны с ней; если ситуация описывается, то только для того, чтобы обосновать их наличие, справедливость негативного отношения.

При критике объектом негативного отношения является не сам предмет речи (человек), а его действия и взгляды. Корректная критика исключает выход в личную сферу. Для критики не характерна полярная, односторонняя оценка (соеди-

²³ Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М. : РФЦСЭ при МЮ РФ. М., 2011.

²⁴ Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов ... С. 63—65.

нение негативной оценки одного предмета речи с позитивной оценкой другого предмета речи). Эксперт-лингвист должен уточнить, чего именно касается негативная оценка — личности или действий, а также должен выявить скрытые сравнения, если таковые присутствуют в тексте.

Следует подчеркнуть, что преследование журналистов и СМИ за критику, высказанную в корректной форме, не допускается в силу положений международно-правовых актов: Всеобщей декларации прав человека, Международного пакта о гражданских и политических правах, Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 10 Конвенции гарантирует каждому право на свободу мысли и слова, а также на свободу массовой информации), а также практики Европейского Суда по правам человека (например, постановление от 30 мая 2013 г. по делу «ООО «Вести» и Ухов («Vesti» and Ukhov) против Российской Федерации», постановление от 28 марта 2013 г. по делу ««Новая газета» и Бородинский («Novaya Gazeta» and Borodinskiy) против Российской Федерации», постановление от 14 октября 2010 г. по делу «Андрушко (Andrushko) против Российской Федерации», постановление от 8 апреля 2010 г. по делу «Безымянный (Bezmyannyy) против Российской Федерации», постановление от 11 февраля 2010 г. по делу «Федченко (Fedchenko) против Российской Федерации», постановление от 14 октября 2008 г. по делу «Дюндин (Dyundin) против Российской Федерации», постановление от 5 октября 2006 г. по делу «Захаров (Zakharov) против Российской Федерации», постановление от 21 июля 2005 г. по делу «Гринберг (Grinberg) против Российской Федерации», постановление от 23 апреля 1992 г. по делу «Кастеллс (Castells) против Испании», постановление от 8 июля 1986 г. по делу «Лингенс (Lingens) против Австрии»).

Согласно п. 1 ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ.

Как неоднократно указывал ЕСПЧ, свобода выражения мнения, как она определяется в п. 1 ст. 10 Конвенции, представляет собой одну из несущих основ демократического общества, основополагающее условие его прогресса и самореализации каждого его члена. Свобода слова охватывает не только «информацию» или «идеи», которые встречаются благоприятно или рассматриваются как безобидные либо нейтральные, но также и такие, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство. Таковы требования плюрализма, толерантности и либерализма, без которых нет «демократического общества».

Ценная для каждого свобода выражения мнения также представляет ценность для политических партий и их активных членов. Они представляют своих избирателей, рассматривают вопросы, которые их заботят, и защищают их интересы. Таким образом, вмешательство в свободу выражения мнения политика, члена оппозиционной партии требует от суда наиболее строгого контроля. Европейский Суд, в частности в постановлении по делу «Федченко (Fedchenko) против Российской Федерации» от 11 февраля 2010 г., указал, что в отношении государственных служащих, действующих в официальном качестве, как и политиков, рамки допустимой критики шире, чем в отношении частных лиц.

Как уже выше отмечалось, высказывания, суждения, умозаключения, использующие факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах, *информационных материалах, не направленных на возбуждение ненависти или вражды*, не преследующих цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе, к экстремистским не относятся.

Для решения экспертной задачи выявления лингвистических признаков словесного экстремизма необходимо применять общепринятые методы анализа значений слов, высказываний и текста в целом, разработанные в лингвистической семантике, лингвостилистике, лингвистике текста, не допуская при этом вольной интерпретации, подмены или видоизменения плана содержания текста как объекта экспертного исследования²⁵.

Лексико-семантический анализ проводится с целью определения лексических значений слов и их сочетаний, толкования их значений и функций. С помощью грамматического анализа устанавливаются грамматические категории. Контекстуальный анализ имеет своей целью определение значения языковых единиц и уточнение их смыслового наполнения в контексте высказывания или тексте в целом. Функционально-стилистический анализ необходим для определения стилистической специфики исследуемых языковых единиц, принадлежности к определенному функциональному стилю. Описание семантической структуры языковых единиц (слов, словосочетаний, фразеологизмов и предложений) осуществляется с опорой на метод компонентного анализа, который традиционно опирается на два тезиса:

- 1) значение любой языковой единицы представляет собой определенный набор минимальных смысловых (семантических) компонентов — сем;
- 2) все значения единицы языка могут быть описаны с помощью некоторого набора этих семантических компонентов²⁶.

Таким образом, компонентный анализ (семный анализ) используется для исследования содержательной стороны значимых единиц языка с целью разложения значения на минимальные семантические составляющие²⁷.

Логико-грамматический анализ предложений выполняется для установления типа пропозиции и интерпретации грамматических форм, а интенциональный — в целях установления интенций автора текста на основе мотивационно-целевой структуры текста.

²⁵ Жеребило Т. В. Методы лингвистического исследования и описания языка, обусловленные функционально-стилистическим инвариантом языковой системы // Pro et Contra. За и против. 2007 ; Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. М. : Флинта. Наука, 2007 ; Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов : науч.-практ. пособие / под ред. Т. В. Аверьяновой, В. Ф. Статкуса. М. : Юрайт, 2011. С. 454—456.

²⁶ Кузнецов А. М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. М., 1986. С. 8.

²⁷ Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1998. С. 233.

Исходя из общепринятого методического подхода к исследованию семантики текста в нем нужно выявить семантические признаки, содержащие информацию о предмете речи (о ком/ о чем говорится в тексте и что конкретно говорится о предмете речи), об отношении автора к предмету речи (как автор оценивает предмет речи) и о цели сообщения информации адресату (зачем в тексте говорится о предмете речи).

Предметно-тематический лингвистический анализ служит цели установления пропозитивного содержания текста. Пропозиция представляет собой предмет речи (носитель предикативного признака) и приписываемый ему признак (предикат). Эксперт-лингвист выявляет то, о чем говорится в тексте и что именно сообщается о предмете речи. Для установления выраженного в тексте определенного отношения к предмету речи выполняется оценочно-экспрессивный анализ. В завершение проводится анализ речевых целей и устанавливается содержательно-смысловая направленность текста.

Таким образом, семантическое исследование должно осуществляться в соответствии с общепринятым триединым подходом²⁸: о каком предмете речи говорится в высказывании и что именно автор о нем сообщает читателю (пропозитивный анализ); какое отношение к предмету речи автор выразил в своем тексте (анализ выраженного отношения); какая информация о цели обсуждения данного предмета речи сообщена читателю (анализ речевых целей).

Возвращаясь к упомянутому выше уголовному делу в отношении журналистов «Регнум», следует отметить, что проведенные независимо друг от друга двумя группами российских экспертов²⁹ исследования показали, что в текстах, на основании которых белорусские журналисты были привлечены к уголовной ответственности, фактически нет высказываний, в которых противопоставляются какие-либо группы лиц и выражается враждебное отношение к тем из них, которые являются для автора «чужими». Такое противопоставление обязательно для текстов с признаками разжигания межнациональной розни, но в данном случае оно отсутствовало.

Российские эксперты-лингвисты заключили, что в спорных статьях противопоставляются и негативно оцениваются не группы лиц, а определенные взгляды на группы, что ни в коем случае нельзя путать. В тексте идет речь не только о взглядах, но и о слоях общества, движениях, об отдельных лицах, представляющих эти взгляды.

Анализ показал, что в тексте нет высказываний, в которых упоминались бы какие-либо действия, направленные против кого-либо, в том числе против сторонников критикуемых взглядов. Соответственно отсутствуют и призывы к совершению таких действий. Отсутствуют и высказывания, убеждающие читателя в необходимости ухудшения отношения к упомянутым лицам и группам. Речь идет только о негативной оценке самих взглядов и последствий их воздействия

²⁸ Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М., 2014.

²⁹ В том числе исследования, проведенные автором настоящей статьи и профессором МГУ имени М. В. Ломоносова доктором филологических наук О. В. Кукушкиной.

на общественное сознание. Целью производимого автором анализа является привлечение читателя к проблеме, которая представляется ему общественно значимой и актуальной³⁰.

Подытоживая, следует согласиться с О. В. Кукушкиной, что в тех случаях, когда в тексте не обнаружены «необходимые лингвистические признаки экстремистских высказываний (отсутствует «экстремистский» предмет речи, «экстремистский» тип отношения к нему, «экстремистские» цели высказывания), то нет оснований и для проверки этих текстов на наличие в них психологических признаков экстремистских высказываний — последние предполагают наличие первых и базируются на них»³¹.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Галяшина Е. И. Лингвистика vs экстремизма : В помощь судьям, следователям, экспертам / под ред. проф. М. В. Горбаневского. — М. : Юридический мир, 2006. — 96 с.
2. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. — М., 2014. — 98 с.
3. Методика экспертных исследований по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и практическое руководство / С. А. Кузнецов, С. М. Оленников. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Издательский дом В. Ема, 2014. — 312 с.
4. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении : науч.-информ. пособие / Т. М. Изотова, В. О. Кузнецов, А. М. Плотникова. — М. : РФЦСЭ при Минюсте России, 2016. — 63 с.
5. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы по материалам, связанным с противодействием экстремизму / О. В. Кукушкина, Ю. А. Сафонова, Т. Н. Секераж. — М. : РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. — 326 с.
6. Типовая методика судебной лингвистической экспертизы : метод. рекомендации / Е. А. Гримайло, Т. В. Назарова, Н. Ю. Мамаев, А. П. Коршиков [и др.] // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. / под ред. канд. тех. наук Ю. М. Дильдина. — М. : ЭКЦ МВД России, 2010. — Ч. I. — 568 с.

³⁰ Письменный ответ от 05.10.2017 профессора О. В. Кукушкиной на запрос адвоката касательно лингвистических признаков экстремистских высказываний в представленных текстах.

³¹ Письменный ответ от 05.10.2017 профессора О. В. Кукушкиной на запрос адвоката ...